

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ЖИВЫХ» ИСТОЧНИКОВ ПРОШЛОГО

Елена Евгеньевна Михайлова (mihaylova_helen@mail.ru)

Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия

Цитирование: Михайлова Е.Е. (2019) А.С. Лаппо-Данилевский: социокультурное значение «живых» источников прошлого. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(5): 180–193. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.11>

Аннотация. В пространстве социогуманитарного знания рубежа XIX–XX вв. мифы, показания очевидцев, слухи и другие подобные свидетельства прошлого считались недостоверными и не рассматривались как исторические источники. А.С. Лаппо-Данилевский в числе первых теоретиков обратил внимание на социальную и культурную значимость «живых» источников, способных хранить и транслировать сокровища человеческой мысли. В его работе «Методология истории» мифологический рассказ и показания очевидца представлены как «живые» источники исторической памяти. В статье высвечена двойственная позиция Лаппо-Данилевского: в научном плане миф и свидетельство не могут являться достоверными источниками, в социокультурном значении, наоборот, они важны для погружения в эпоху, для поиска социальной и культурной идентичности автора текста и его интерпретатора. Показано, что в теоретических выкладках Лаппо-Данилевского миф и свидетельство представлены как источники сложного состава, а их критический анализ помогает решать задачи ценностно-теоретического, типологизаторского и методологического характера. Герменевтическая интерпретация «живых» источников, на взгляд Лаппо-Данилевского, позволяет выявить их происхождение, определить предельные границы достоверности и раскрыть целый ряд вопросов: вид источника, тип культуры, к которому он принадлежит, степень искренности показаний, форму мировоззрения автора рассказа. Ратуя за полезность критики источника, русский методолог не одобряет две крайности: поспешность выводов и, наоборот, отказ от окончательных выводов, т.е. признание постоянной «открытости» факта. Сделан вывод о том, что Лаппо-Данилевский рассматривал устные предания в качестве важных источников прошлого в регистре современности. Это позволило ему понять механизм формирования культурной и социальной легитимации мифа. По наблюдениям Лаппо-Данилевского, процесс легитимации выглядит следующим образом: сначала содержание рассказа обнаруживается и фиксируется, затем многократно пересказывается/переписывается и со временем приобретает твердую форму. В таком неизменном виде миф и оказывается символом исторической памяти.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, исторический источник, мифологический рассказ, свидетельство очевидца.

Историческая память — это актуализация прошлого в настоящем и для настоящего. Сегодня наблюдается поворот к «мемориальной культуре», который выражается в разнообразном репертуаре обращения к культурным формам прошлого и сопровождается повышенным научным интересом к «живой» истории — к личным воспоминаниям, индивидуальным судьбам, семейным историям, свидетельствам очевидцев, поколенческому опыту воспроизводства традиций. Современный немецкий историк и теоретик культурной памяти А. Ассман прямо пишет о том, что память нуждается в репрезентации, что в перспективе мемориальной культуры она уже не только служит средством индивидуального или коллективного самоутверждения, но и может инициировать трудный процесс самокритики (Ассман 2016: 222).

Тема обращения к прошлому, контекстом которому служит настоящее, зародилась в исследовательской среде рубежа XIX–XX вв. В трудах русского историка и философа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского главным действующим лицом выступает историк, обращающийся к прошлому не только в качестве субъекта познания, но и субъекта жизни, пытающегося идентифицировать себя и «чужую одушевленность». Это было подмечено еще А.В. Малиновым и С.Н. Погодиным в их первой монографии, посвященной творчеству Лаппо-Данилевского (2001). Анализируя принцип чужой одушевленности, который отстаивал Лаппо-Данилевский, авторы соглашались, что самосознание историка понимается через сознание другого: «Впрочем, Лаппо-Данилевский не различал четко “психическое” и “трансцендентальное” и часто использовал их в одном смысле» (Малинов 2001: 207). И для усиления этой мысли цитируют самого Лаппо-Данилевского: «...всякое понимание чужой душевной жизни предполагает личное переживание и воспроизведение ее» (Малинов 2001: 208).

Рефреном в работах Лаппо-Данилевского проходит мысль о том, что настоящее для историка есть место, откуда происходит обращение к прошлому, настоящее служит контекстом, в котором заново реконструируется прошлое, задает перспективу субъектной позиции по отношению к прошлому. В нашей статье предпринята попытка рассмотреть грани конструктивных рассуждений Лаппо-Данилевского, касающихся критики исследования «живых» источников в двух плоскостях исторической памяти: опыта индивидуального, преобразованного воспоминаниями, и опыта коллективного, сохраненного в устных преданиях и текстах прошлого и реконструированного профессиональными исследователями современности.

То, что сегодня называется «живыми» источниками исторической памяти, Лаппо-Данилевский именовал «свидетельствами». Он писал так:

«Итак, при изучении генезиса показаний или образованных из них рассказов приходится обращать особое внимание на те из них, которые называются свидетельскими: ведь их происхождением легко объяснить достоверность, а отчасти и недостоверность зависящих от них известий или пересказов» (Лаппо-Данилевский 2010: 352). Свидетельские показания и известия он относит к ненаучным источникам, однако считает, что их нельзя сбрасывать со счетов, так как они важны по своей энергетике. К таким же ненаучным, но важным по выразительности источникам Лаппо-Данилевский причисляет и мифологический рассказ, предание, пересказ, слухи. «Произведения фантазии или вымысла вводят исследователя во внутренний мир человека известной культуры и дают возможность, хотя бы отчасти, пережить те настроения, аффекты, стремления и идеи, которые оказывались фактами его душевной жизни и обуславливали его действия» (Лаппо-Данилевский 2010: 381). Разумеется, Лаппо-Данилевский понимает, что к такого рода источникам, следует относиться крайне осторожно, поскольку их происхождением можно объяснить в равной степени и достоверность, и недостоверность дальнейших пересказов. Однако такие источники он считает актуальными и важными, помогающими воссоздать социально-психологическую атмосферу эпохи.

В философии истории рубежа XIX–XX вв. такие свидетельства прошлого считались недостоверными и не рассматривались всерьез. Лаппо-Данилевский в числе первых теоретиков обратил внимание на значимость источников «живой» истории, способных хранить и транслировать сокровища человеческой мысли. По его наблюдениям, даже в известной типологии исторических источников Ланглуа и Сеньобоса исторические предания «игнорируются» (Ланглуа 2004: 43). Добавим от себя, что соотечественник Лаппо-Данилевского Н.И. Кареев в своей работе «Историка. Теория исторического познания» вплотную подошел к проблематике «живых» источников истории, но остановился лишь на их классификации, без дальнейшего критического анализа. «Разделение всех источников на “вещественные” и “словесные” напрашивается, так сказать, само собою, и очень соблазнительным является назвать первые из них, в отличие от вторых “немыми”» (Кареев 2010: 387).

Обращение к мифам и свидетельствам как историческим источникам чувствуется по всему тексту «Методологии истории». Однако напрямую критический анализ такого рода источников осуществлен Лаппо-Данилевским в части «Генезис известий, пересказов и слухов». Здесь автор стоит на позиции, согласно которой исследователь текстов прошлого в первую очередь должен задаваться вопросом о верности передачи информации. При идеальном раскладе историк должен добиться как можно более

точного воспроизведения свидетельства. Изначальный свидетельский рассказ и его дальнейший пересказ окажутся достоверными при соблюдении двух условий: если посредник не будет вносить каких-либо изменений в текст и воздержится от демонстрации своего отношения к содержанию передаваемых сведений. Такую практику Лаппо-Данилевский признает вполне приемлемой, однако с оговоркой, что в самих свидетельствах должны присутствовать реальные факты. «В самом деле, некоторые известия, пожалуй, обладают самостоятельным значением в качестве правдивых оценок, передаваемых в них фактов», — признается Лаппо-Данилевский. И в качестве примера приводит известное предание о том, как Аттила со своей ордой намеревался разрушить Рим, но отказался от своих первоначальных намерений, когда внезапно «увидел» рядом с вышедшим на переговоры римским епископом Львом I апостолов Петра и Павла с обнаженными мечами. Излагая легенду, Лаппо-Данилевский прекрасно понимает, что это вымысел, однако усматривает в ней два реальных факта: личность Льва I, твердо убежденного в том, что он преемник св. Петра, и факт цивилизационного преимущества римско-христианской культуры над варварской ордой на данный момент времени (Лаппо-Данилевский 2010: 353).

В реалиях исследовательской практики, как справедливо отмечает Лаппо-Данилевский, крайне редко встречается точное воспроизведение «живых» источников. Чаще всего это связано с небрежной или недобросовестной фиксацией и дальнейшей передачей свидетельств очевидцев. Лаппо-Данилевским перечисляются наиболее распространенные ошибки, встречающиеся у недобросовестных исследователей. Он группирует их по категориям: механические описки писцов, ошибки при передаче цифровых показаний, ошибки при переводе имен собственных, вызванных тем, что переводчик руководствовался только законами своего языка и не учитывал языкознание коренных народов, ошибки, связанные с произвольным толкованием терминов под влиянием личностных ассоциаций исследователя, наконец, неосознанное искажение показаний, заключающееся в том, что передающий невольно опускает или прибавляет информацию к тому, что он слышал или читал (Лаппо-Данилевский 2010: 254). Первые типы ошибок — письменные оговорки и ошибки, связанные с переводом и толкованием — не столь опасны и легко устранимы, по мнению Лаппо-Данилевского, так как ведут к искажению только формы свидетельских рассказов. Последний тип ошибок — невольное искажение показаний — видится Лаппо-Данилевскому наиболее опасным, так как при такой передаче меняется не только форма, но и само содержание оригинального свидетельства.

Большинство выявленных ошибок Лаппо-Данилевский объясняет двумя особенностями: естественной склонностью человека верить информации, а также неумением (или нежеланием) исследователей соблюдать критическую дистанцию. Здесь Лаппо-Данилевский не одинок: на подобного рода небрежности обращали внимание и другие исследователи. К примеру, Л.П. Карсавин в своей работе «Философия истории» перечисляет типичные ошибки историка, который из-за недостатка фактических данных ограниченно понимает свидетельства прошлого, неправильно расценивает их, упускает какие-либо факты или, наоборот, «вычитывает» из текста то, на что текст его не уполномочивал. На взгляд Карсавина, от подобного рода ошибок не свободен даже такой представитель ультрастрогой научности, как французский медиевист Ланглуа (Карсавин 1993: 65, 84).

Непроизвольные нарушения в работе с «живыми» свидетельствами Лаппо-Данилевский объясняет часто встречающейся небрежностью фиксаторов первоначальной информации. Число такого рода ошибок можно сократить, если повысить уровень самодисциплины исследователя. Однако в гораздо большей степени русского методолога волнует другой вопрос — природа ложного факта. На взгляд Лаппо-Данилевского, она связана с двумя обстоятельствами: с преднамеренным искажением «живого» свидетельства и с преднамеренно ложной передачей легенды или рассказа очевидца. Сознательно искаженные источники заслуживают, с точки зрения Лаппо-Данилевского, более внимательного рассмотрения. По способу корректировки текста эти «живые» свидетельские показания и рассказы должны подвергаться двум видам воздействия — редукции и интерпретации.

Редукция сообщения проявляется тогда, когда посредник, по словам Лаппо-Данилевского, начинает корректировать изначальное содержание текста по своему усмотрению. «Ложное известие нередко возникает так же, как и ложное свидетельское показание: посредник может кое-что убавить из него или прибавить к нему, ослабить или усилить некоторые его черты и т.п. Передавая чужое показание не в полном виде, т.е. скрывая часть его, посредник может, конечно, и не вполне извратить, а только урезать его содержание» (Лаппо-Данилевский 2010: 355). В качестве такой урезанной передачи информации им приводится пример из событий Отечественной войны 1812 г. Как известно, после сражения при Бородино М.И. Кутузов прислал Александру I сообщение. В начале полководец доложил, что «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными силами», затем он написал, что ввиду значительных потерь русской армии он «взял намерение отступить» за Можайск. При передаче сообще-

ния последние слова по каким-то неведанным причинам были исключены, что придало иной смысл всему донесению. В итоге сообщение Кутузова о достойном отпоре врагу и об отступлении русской армии в связи с необходимостью восстановить потери после сражения стало выглядеть исключительно как весть о победе над французами.

Чаще всего редукция мифологического рассказа встречается при его «переносе» в письменный вариант. Свои наблюдения Лаппо-Данилевский иллюстрирует на примере «Книги о чудесах» Григория Турского. Реконструируя житие святого апостола Андрея Первозванного, автор, по его собственному признанию, позволял себе «выпускать» из первоначального текста менее интересные, на его взгляд, чудеса проповедника (Лаппо-Данилевский 2010: 360–361).

Интерпретация как способ сознательного воздействия на текст осуществляется тогда, когда посредник трактует фактическое известие на свой лад. Лаппо-Данилевский со свойственным ему типологическим посылом выделяет несколько причин для такой интерпретации. Среди них поспешность научного суждения, попытка объяснить факты с морализаторской позиции, демонстрация собственных эстетических взглядов интерпретатора, изложение рассказа в популярной литературной форме с целью придать ему большую живость, проявление личных предпочтений пересказчика, наконец, попытка представить ожидаемый факт как уже свершившееся событие.

Лаппо-Данилевский, говоря о распространенной практике наращивания мифологического рассказа, находит этому явлению несколько объяснений.

Во-первых, наращивание легенды может быть плодом личностных фантазий пересказчика. Известно, например, как эскимосы Гренландии сочиняли собственные сказания, пользуясь рассказами стариков.

Во-вторых, процесс расширения мифологического рассказа в исторических источниках может иметь и социальную подоплеку. Об этом свидетельствует, например, сказание об основании Рима. Изначально легенда касалась только одного Ромула, однако с течением времени и в силу желания аргументировать важность консулата — двоевластия, установившегося в политической практике Римской республики, в позднейших редакциях текста уже говорится о двух основателях — о близнецах Ромуле и Реме.

В-третьих, усложнение содержания мифологического рассказа может быть вызвано слиянием двух различных текстов. Исследователями выявлено, например, что сказка о Синей бороде сложилась из двух разных мифов. «Малейшего сходства между именами и событиями, — пишет Лаппо-Дани-

левский, — достаточно для того, чтобы дать повод к самым разнообразным комбинациям подобного рода» (Лаппо-Данилевский 2010: 361).

Для того чтобы избежать перечисленных ошибок, нужна серьезная критико-генетическая работа с источником. Анализ мифа и свидетельства, на взгляд Лаппо-Данилевского, усложняется тем, что показания пересказчиков и очевидцев прошли много передаточных инстанций, превращаясь в череду повторов, перегруженных все новыми и новыми коннотациями вновь приходящих интерпретаторов. Лаппо-Данилевский пишет: «Критика чужих показаний или рассказов становится еще более сложной, если она прошла несколько передаточных инстанций и благодаря такому процессу превратилась в повторяющиеся пересказы: ведь вероятность ошибки возрастает пропорционально возрастающему числу передаточных инстанций, по крайней мере до известного предела, т.е. до того времени, когда данное предание получает общепризнанную форму, в которой оно продолжает повторяться» (Лаппо-Данилевский 2010: 359). Анализируя процесс тиражирования «живых» свидетельств, Лаппо-Данилевский приходит к заключению о том, что нерелексивное повторение известий или пересказов чревато опасностью утраты «тонких оттенков мысли» автора первоначального текста.

Можно высказать суждение о том, что взгляды Лаппо-Данилевского созвучны современному дискурсивному пространству. Русский методолог, по сути, вскрыл механизм процесса формирования культурной и социальной легитимации первоначального текста. Сначала рассказ обнаруживается, фиксируется, затем он многократно пересказывается/переписывается. Со временем его содержание затвердевает, приобретает отчетливую форму и передается в дальнейшем в неизменном виде. Неприкосновенность рассказанного, по наблюдениям Лаппо-Данилевского, поддерживается силой культурных традиций и довольно быстро кристаллизуется в «известную общепризнанную форму», которая, в свою очередь, сама начинает содействовать его сохранению (Лаппо-Данилевский 2010: 360). В качестве силы, поддерживающей эффект неприкосновенности рассказанного, могут выступать религиозные нормы и санкции, житейские обычаи, языковая стилистика эпохи (ритмы, напевы, рифмы) и другие устойчивые культурные и социальные константы. На взгляд Лаппо-Данилевского, свидетельства и предания, принимаемые на веру, затвердевают в своей незыблемости. Тем самым они утрачивают назначение «изображающего» источника и приближаются к источникам с «нормативным содержанием» (Лаппо-Данилевский 2010: 385).

Специфическую тональность получают свидетельские показания или предания, превращенные в «слухи», распространяемые посредством

«молвы». Рассказы, образованные подобным образом, нередко служат для тенденциозного изображения фактов. Самыми популярными в этом ряду Лаппо-Данилевский называет легенды, которыми окутана ранняя история христианской церкви, или средневековые предания о Карле Великом / Фридрихе Великом, или новейшие легенды о харизматической личности Наполеона I. Здесь Лаппо-Данилевский отмечает одну немало-важную особенность: устное предание получает некое предельное значение и устойчивую форму, когда закрепляется в письменном свидетельстве. Однако и в этом случае процесс фиксации и передачи фактов не защищен от искажений. Иллюстративным примером служит метаморфоза известия о сражении при Сольферино в ходе австро-итало-французской войны 1859 г. Официальное донесение о нем, изначально выстроенное на основе свидетельских показаний, прошло через много рук, каждая из которых, включая начальника штаба и маршала, внесла свои тенденциозные изменения, в итоге от первоначального текста «почти ничего не осталось» (Лаппо-Данилевский 2010: 363).

Трудно не согласиться с Лаппо-Данилевским, когда он справедливо подмечает, что историку трудно передавать факты, не обнаруживая своего отношения к ним. И в этом нет ничего удивительного. Претензии к субъекту познания возникают в том случае, когда он начинает оценивать факт, не позаботившись о его проверке или о точной передаче. «Легенда, например, — пишет Лаппо-Данилевский, — получает особое значение в той мере, в какой она отражает чью-либо оценку исторических фактов; такая оценка — тоже факт из истории идей, обращавшихся в среде данной социальной группы, а не из истории ее деятельности» (Лаппо-Данилевский 2010: 385–386). Более того, теоретик не исключает и того, что легенда может приобретать и политический окрас. Он цитирует известный рассказ в изложении В.О. Ключевского о том, как папа Лев III возложил царский венец на голову Карла Великого на праздник Рождества Христова в 800 г. Произшедшую тогда церемонию он рассматривает как символ единения авторитетов духовной и светской власти (Лаппо-Данилевский 2010: 386).

Из рассуждений Лаппо-Данилевского видно, какое достаточно серьезное значение он придает историческим источникам, воплощающим «живые» свидетельства прошлого. Мифологический рассказ, предание, свидетельское показание, известие, пересказ, слухи — все это конструируется им как «источники сложного состава» (Лаппо-Данилевский 2010: 363). По степени своего накала, теоретического и практического, эти источники ставятся в один ряд с историческими источниками. Особенностью такого рода источников является то, что они заключают данные далеко не одинаковой ценности и достоверности. Их изучение видится

Лаппо-Данилевскому более затруднительным, чем изучение так называемых нормативных источников, поскольку «живой» факт далеко не всегда может привести к объяснению причин и мотивов, не может считаться доказательной аргументацией достоверности/недостоверности события или персоны прошлого. Особенно это касается мифологического рассказа, вбирающего в себя легенды и предания. «В той мере, например, в какой источник, принадлежащий к числу остатков культуры, содержит элементы исторического предания, он уже нуждается к критике показаний» (Лаппо-Данилевский 2010: 364). Чем ближе источник к историческому преданию, тем большей проверки он требует. Летописец как носитель мировоззрения своей эпохи нередко акцентирует внимание на своем современнике и на событиях, связанных с его именем. Все эти соображения вызывают необходимость конструктивной критики предельных границ достоверности мифа и известия. Именно поэтому Лаппо-Данилевский считает, что цель критического анализа мифа и известия предполагает решение разнородных задач: ценностно-теоретической — исследовать генезис показаний с целью обнаружения основного теоретического значения; типологизаторской — выявить значение источника для исторического построения; инструментально-вспомогательной — приложить результаты исследования к историческому материалу в соответствии с его разнovidностью.

Как исследователь исторических источников Лаппо-Данилевский занимает позицию открытости и диалогичности. В разумном варианте, по словам теоретика, «историк в результате своих исследований должен отказаться от какого-либо окончательного вывода и не может произнести ни оправдательный, ни обвинительный приговор» (Лаппо-Данилевский 2010: 365). Здесь рассуждения Лаппо-Данилевского перекрещиваются с мыслями Ланглуа и Сеньбоса: «Историк не должен ждать, пока противоречия между свидетельствами различных документов наведут его на сомнение, он должен сам начинать с сомнения» (Ланглуа 2004: 156).

Сомнение — довольно трудная задача. Суспензивное (с лат. «отложеное») суждение, по мнению Лаппо-Данилевского, зачастую не удовлетворяет исследователя. Ведомый своим естественным стремлением «успокоиться» на каком-либо выводе, историк делает определенное заключение и нередко впадает в одну из двух крайностей. «Такие заключения могут быть вызваны и недостатком критики, и ее избытком, т.е. “гиперкритикой”»; но в обоих случаях они оказываются ошибочными, так как исследователь преждевременно ищет в одном из них разрешения своих сомнений, на которых он не хочет остановиться» (Лаппо-Данилевский 2010: 365). Подобные мысли Лаппо-Данилевского перекрещиваются с дальнейшими рас-

суждениями М.М. Бахтина. Говоря о специфике природы культурного диалога, русский философ отмечал, что он всегда не завершен, всегда остается диалогом «по последним вопросам» (Бахтин 1986: 376).

Заключение

Критико-генетические изыскания Лаппо-Данилевского о достоверных и недостоверных исторических источниках рассмотрены как актуальные в свете современных проблем социологии, методологии истории и теории культурной памяти. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевского мифологический рассказ и рассказ очевидца представлены как «живые» источники исторической памяти. В философии рубежа XIX–XX вв. такие свидетельства прошлого считались недостоверными и не рассматривались всерьез как исторические источники. Лаппо-Данилевский в числе первых теоретиков обратил внимание на значимость «живых» источников, способных хранить и транслировать сокровища человеческой мысли. Высвечена двойственная позиция Лаппо-Данилевского по отношению к такого рода источникам. В научном плане миф и свидетельство для историка не являются достоверными источниками, однако с социокультурной точки зрения они важны для погружения в эпоху, для понимания «чужой одушевленности» и поиска собственной идентичности. Показано, что Лаппо-Данилевский называет миф и свидетельство источниками сложного состава, выявляет их происхождение, определяет предельные границы достоверности. Критический анализ мифа и известия помогает решить три задачи: ценностно-теоретическую, типологизаторскую и инструментально-вспомогательную. Способы исследования такого рода источников должны применяться, на взгляд Лаппо-Данилевского, в самых разных комбинациях. Герменевтический поиск достоверного ответа позволяет раскрыть много вопросов: к какому именно виду данный источник относится; остаткам какой культуры он принадлежит; какова степень искренности автора показаний; под влиянием какого мировоззрения находился автор известия. Ратуя за полезность критики источника, Лаппо-Данилевский не одобряет две крайности: поспешные выводы и признание постоянной «открытости» факта. Для того чтобы добиться достаточно прочных выводов относительно достоверности или недостоверности исторического предания свидетельства, полезно побыть в «выжидательном положении», но при этом искать новые комбинации фактов во избежание недостатка критики или, наоборот, «гиперкритики» (Лаппо-Данилевский 2010: 365).

Не следует ожидать точного воспроизведения «живых источников», утверждает Лаппо-Данилевский. В исследовательской практике зачастую

это связано с недобросовестной передачей свидетельства или с неумением соблюдать критическую дистанцию. Однако теоретик мыслит шире и объясняет произвольные ошибки естественной склонностью человека верить тому, что передается, его желанием избегать «отложенных» суждений. На взгляд Лаппо-Данилевского, укрепление умственной самодисциплины может способствовать сокращению числа такого рода ошибок. Здесь он солидарен с другими исследователями. Такую же позицию, например, занимают французские теоретики философии истории Ланглуа и Сеньобос, говоря о том, что для правильной работы с текстом исследователю необходимы «качества, которых не может заменить воля», «качества скорее нравственные, чем умственные: терпение, честность ума» (Лаппо-Данилевский 2010: 130).

Вопрос о преднамеренном искажении фактов занимает особое место в воззрениях Лаппо-Данилевского. Природа ложно выстроенного факта, на его взгляд, укоренена в культурных и социальных реалиях жизни, отсюда целый сонм обстоятельств, связанных с преднамеренным искажением «живого» свидетельства, и не меньшее число мотивов, стимулирующих преднамеренно ложную передачу услышанной/прочитанной легенды или рассказа очевидца. Такого рода источники заслуживают, с точки зрения Лаппо-Данилевского, более внимательного рассмотрения. По способу преднамеренной корректировки текстов им выделяются два вида: редукция текста и интерпретация в соответствии с культурными ассоциациями.

Лаппо-Данилевский рассматривал устные предания в качестве важных источников прошлого в регистре современности. Это позволило ему понять механизм формирования культурной и социальной легитимации мифа. По наблюдениям Лаппо-Данилевского, процесс легитимации выглядит следующим образом: сначала содержание рассказа обнаруживается и фиксируется, затем многократно пересказывается/переписывается и со временем приобретает твердую форму. В таком неизменном виде миф и оказывается символом исторической памяти.

Изыскания русского теоретика укладываются в единый смысловой ряд современных поисков эпистемологических и социокультурологических способов работы с прошлым. В частности, обнаруживается перекрестная референция теоретических рассуждений Лаппо-Данилевского об «исторических преданиях» и правильности их прочтения с исследованием природы мифологического рассказа, осуществленным современным французским философом П. Рикёром. Говоря о правильности интерпретации «живых» источников, Лаппо-Данилевский полагал, что изучение прошлого есть способ его «сцепления» с ключевыми проблемами настоящего. Несмотря на иную методологическую платформу, такая позиция

свойственна и Рикёру, который доказывает, что прошлое и настоящее дискурсивно взаимосвязаны и запечатлены в семантической конструкции символа (Рикёр 2002: 13). Исторический рассказ, по Рикёру, есть одновременно и действие, и дискурс. Будучи действием, он включает в себя автора, ответственного за определенные последствия своего слова, за цель, средства, формы сотрудничества и обстоятельства, в которых создавался текст. Будучи дискурсивным, исторический рассказ представляет собой определенные правила композиции, которым подчинен диахронический строй истории. Благодаря своим дискурсивным характеристикам историческое повествование объединяет прошлое и настоящее не в формате построения хронологии фактов, а через их смысловую интерпретацию (Рикёр 1998: 70). Тем самым миф как источник прошлого становится проблемой в регистре современности.

Литература

Ассман А. (2016) *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.

Бахтин М.М. (1986) *Эстетика словесного творчества*. 2-е изд. М.: Искусство.

Кареев Н.И. (2010) *Избранные труды*. М.: РОССПЭН.

Карсавин Л.П. (1993) *Философия истории*. СПб.: Комплект.

Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. (2004) *Введение в изучение истории*. М.: Государственная публичная историческая библиотека России.

Лаппо-Данилевский А.С. (2010) *Методология истории*. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН.

Малинов А.В., Погодин С.Н. (2001) *Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ*. СПб.: Искусство-СПб.

Рикёр П. (1998) *Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ*. М.; СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга.

Рикёр П. (2002) *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

**A.S. LAPPO-DANILEVSKY:
SOCIOCULTURAL SIGNIFICANCE
OF THE “LIVING” SOURCES OF THE PAST**

Elena Mikhailova (mihaylova_helen@mail.ru)

Tver State Technical University, Tver, Russia

Citation: Mikhailova E.E. (2019) A.S. Lappo-Danilevskiy: sotsiokul'turnoye znachenie «zhivyykh» istochnikov proshlogo [A.S. Lappo-Danilevsky: sociocultural significance of the “living” sources of the past]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(5): 180–193.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.11> (in Russian).

Abstract. In the space of socio-humanitarian knowledge at the turn of the XIX–XX centuries, the myth, the eyewitness accounts, hearings and other similar evidence of the past were considered to be unreliable and not treated as historical sources. A.S. Lappo-Danilevsky, among the first theorists, drew attention to the social and cultural significance of “living” sources that can store and broadcast the treasures of human thought. In his work, “Methodology of History,” the mythological story and eyewitness accounts are presented as “living” sources of historical memory. The article highlights the dual position of Lappo-Danilevsky: from a scientific point of view, myth and evidence cannot be reliable sources; in the socio-cultural sense, on the contrary, they are important for immersion in the era, for the search for the social and cultural identity of the author of the text and its interpreter. It is shown that in the theoretical reckonings of Lappo-Danilevsky myth and evidence are presented as complex sources, and their critical analysis helps to solve problems of a value-theoretical, typologizing and methodological nature. The hermeneutical interpretation of “living” sources, in the opinion of Lappo-Danilevsky, allows us to identify their origin, to determine the ultimate boundaries of reliability and to reveal a number of questions: the type of this source; the type of culture to which it belongs; degree of sincerity of evidence; the form of the worldview of the speaker. The Russian methodologist argues for criticizing the source, yet does not approve of two extremes: the haste of conclusions and, conversely, the rejection of final conclusions, i.e. recognition of the constant “openness” of the fact. It is concluded that Lappo-Danilevsky considered oral traditions as important sources of the past in the register of modernity. This allowed him to understand the mechanism of formation of the cultural and social legitimation of myth. According to the observations of Lappo-Danilevsky, the process of legitimation is as follows: first, the content of the story is detected and recorded, then it is repeatedly retold / rewritten and eventually takes on a solid form. In this unchanged form the myth turns out to be a symbol of historical memory.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, historical source, mythological story, eyewitness accounts.

References

- Assman A. (2016) *Novoye nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoie obozreniie (in Russian).
- Bakhtin M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Kareev N.I. (2010) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Karsavin L.P. (1993) *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History]. St. Petersburg: Komplekt (in Russian).
- Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. (2004) *Vvedeniye v izucheniye istorii* [Introduction to the study of history]. Moscow: State Public Historical Library of Russia (in Russian).
- Lappo-Danilevsky A.S. (2010) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Malinov A.V., Pogodin S.N. (2001) *Aleksandr Lappo-Danilevskiy: istorik i filosof* [Alexander Lappo-Danilevsky: historian and philosopher]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb (in Russian).
- Ricoeur P. (1998) *Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and Story. Vol. 1. Intrigue and historical story]. Moscow; St. Petersburg: Kul'turnaia iniciativa; Universitetskaya kniga (in Russian).
- Ricoeur P. (2002) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow: Canon-Press-Ts; Kuchkovo pole (in Russian).